

Оглавление

Предисловие.....	7
глава 1	
От Каира до Стамбула.....	25
глава 2	
Арабы бросают вызов османскому господству.....	60
глава 3	
Египетская империя Мухаммада Али.....	88
глава 4	
Время реформ.....	120
глава 5	
Первая волна колониализма: Северная Африка.....	152
глава 6	
Разделяй и властвуй: Первая мировая война и послевоенное урегулирование.....	204
глава 7	
Британская империя на Ближнем Востоке.....	243
глава 8	
Французская империя на Ближнем Востоке.....	296
глава 9	
Палестинская катастрофа и ее последствия.....	347
глава 10	
Подъем арабского национализма.....	390
глава 11	
Спад арабского национализма.....	448
глава 12	
Эпоха нефти.....	500
глава 13	
Сила ислама.....	559

глава 14	
После холодной войны.....	618
глава 15	
Арабы в XXI веке.....	681
Благодарности	725
Об авторе	728
Примечания	729
Предметный указатель.....	761

Предисловие

Фаида Хамди узнала о падении автократического режима в Тунисе, находясь в тюремной камере. Это произошло 14 января 2011 года. К тому моменту Зин аль-Абидин Бен Али правил Тунисом больше 23 лет. Хотя Хамди не решилась признаться в этом своим сокамерницам, но она сыграла немалую роль в свержении диктатора. Она была тем самым муниципальным инспектором, из-за которого уличный торговец из городка Сиди-Бузид по имени Мухаммад Буазизи совершил публичное самосожжение. Никто не мог предположить, что своим поступком он не только зажжет пламя народного восстания в Тунисе, но и воспламенит весь регион на многие годы. Грянувшая в январе 2011 года тунисская «жасминовая революция» подняла волну народных восстаний в странах Северной Африки и Ближнего Востока, которую мы знаем сегодня как «арабскую весну».

За четыре недели до этого, 17 декабря 2010 года, Фаида Хамди инспектировала овощной рынок. Сиди-Бузид — один из тех провинциальных городков в центральной части Туниса, что обходят вниманием не только туристы, но и правительство. Сорокалетняя Хамди, одетая в синюю инспекторскую форму с погонами и фуражку с кокардой, в сопровождении двух коллег-мужчин, являла собой наглядное олицетворение государственной власти. При приближении инспекторов большинство уличных торговцев поспешно собирали свой товар и убегали, но 26-летний Мухаммад Буазизи не двинулся с места. Хамди уже не раз предупреждала Буазизи, что торговля без лицензии рядом с рынком запрещена. В тот день между Хамди и Буазизи разгорелся конфликт. Молодой человек обвинил ее в вымогательстве

Арабы

и произволе и попытался защитить свою тележку с товаром от инспекторов.

Относительно того, что произошло дальше в том роковом конфликте, существуют разные версии. Члены семьи и друзья Буазизи утверждают, что Хамди оскорбила и ударила молодого человека по лицу, что является тяжким оскорблением для мужчины в арабском мире, после чего приказала своим сопровождающим конфисковать товар и весы. Хамди отрицала факт пощечины и утверждала, что «Буазизи набросился на нас и порезал мне палец». Детали в данном случае имеют огромное значение, поскольку позволяют объяснить произошедшую затем трагедию¹.

Мухаммад Буазизи пришел в ярость от действий инспекторов. Он немедленно отправился в мэрию, но вместо искомой справедливости получил лишь новую порцию унижений. После этого он попытался добиться встречи с губернатором, но также потерпел неудачу. Его сестра Басма Буазизи рассказывала: «То, что пришлось пережить моему брату... конфискация тележки с овощами, нанесенное женщиной оскорбление, отказ муниципальных чиновников выслушать его, невозможность добиться справедливости... все это переполнило чашу терпения».

В полдень Мухаммад Буазизи вышел на площадь перед мэрией, где, как всегда, толпилась масса народа, облил себя горячим и поджег. Окружающие не сразу поняли, что происходит. Некоторые даже фотографировали горящего человека. Когда пламя наконец-то удалось потушить, у Буазизи обгорело более 90 процентов поверхности тела. С обширными ожогами его доставили в больницу соседнего городка Бен-Арус.

Отчаянный акт самосожжения Буазизи потряс жителей Сиди-Бузида. Они полностью разделяли его возмущение несправедливостью и равнодушием властей по отношению к простым людям, пытающимся свести концы с концами. Тем же вечером группа родственников и друзей Буазизи устроила на площади перед местной администрацией импровизированную акцию протеста. Они бросали монеты в металлические ворота и кричали: «Вот ваша взятка!» Полиция разогнала разгневанную толпу дубинками, но демонстранты вернулись на следующий день в еще большем количестве. На это раз полиция применила слезоточивый газ и открыла огонь. Два человека

Предисловие

погибли от огнестрельных ранений. Состояние Мухаммада Буазизи в больнице ухудшилось.

Когда новость о протестах в Сиди-Бузиде достигла столицы Туниса, образованная молодежь, среди которой было много безработных, принялась активно обсуждать случившееся в социальных сетях. Прошел слух, будто Буазизи тоже был безработным выпускником университета (хотя он не окончил даже среднюю школу, вынужденный зарабатывать деньги на образование сестер) и ему пришлось торговать овощами, чтобы добыть средства к существованию. В «Фейсбуке» появилась группа, посвященная Буазизи, и вскоре его история облетела арабский интернет. Ею заинтересовался журналист арабского информационного телеканала «Аль-Джазира». Контролируемая государством тунисская пресса не сообщала о проблемах в Сиди-Бузиде, а «Аль-Джазира» сделала эти новости достоянием международной арабской аудитории. Репортажи о том, как обездоленные жители городка отстаивают свои права в борьбе с коррупцией и злоупотреблениями властей, начали выходить в эфир ежевечерне.

Трагедия в Сиди-Бузиде стала искрой, которая побудила тунисцев открыто восстать против всего того, что не устраивало их в государстве при правлении Бен Али: против коррупции, злоупотребления властью, равнодушия к тяжелому положению простых людей, высокого уровня безработицы, особенно среди молодежи. Все эти проблемы были близки людям и в других арабских странах, внимательно следившим на экранах телевизоров и в интернете за происходящим в Тунисе. Протесты быстро распространились и на другие бедные города центральной части страны — Касирин, Талу, Манзаль-Бузайан — и, наконец, вспыхнули в самой столице.

Эскалация напряженности заставила Бен Али отреагировать. 28 декабря, через одиннадцать дней после случившегося, президент Туниса посетил Буазизи в больничной палате. Тунисские телеканалы осветили этот визит в прайм-тайм, показав трогательные кадры, как президент озабоченно расспрашивает врачей о состоянии пациента. Первые полосы газет пестрели снимками Бен Али у постели умирающего. Бен Али пригласил родителей Буазизи в президентский дворец и пообещал сделать все возможное для спасения их сына. Он приказал арестовать муниципального инспектора, который своими действиями спровоцировал трагедию.

Арабы

4 января 2011 года Мухаммад Буазизи скончался. Тунисский народ провозгласил уличного торговца мучеником, а режим Бен Али поспешил сделать козлом отпущения Фаиду Хамди. Она была заключена в тюрьму города Гафса вместе с обычными преступниками. Адвокаты отказывались защищать ее, опасаясь, что тунисская общественность, обвинявшая Хамди в смерти Буазизи, распространит свой гнев и на них. Хамди скрывала свою личность от сокамерниц, притворяясь школьной учительницей, которую посадили за то, что она «отшлепала непослушного ребенка». «Я боялась сказать им правду», — впоследствии призналась она².

В первые две недели января массовые протесты охватили все города Туниса. Полиция разгоняла демонстрации силой, что привело к гибели около двухсот человек; сотни были ранены. В столицу ввели войска, однако армия отказалась выполнять приказ президента применить оружие против манифестантов. Когда Бен Али понял, что не может рассчитывать на поддержку военных и никакие уступки не успокоят разгневанные народные массы, он ошеломил страну и весь арабский мир: 14 января 2011 года президент отрекся от власти и бежал из Туниса в Саудовскую Аравию. Тунисский народ добился, казалось, невозможного: с помощью ненасильственных протестов, не прибегая к вооруженной борьбе, он сверг один из самых надежно окопавшихся диктаторских режимов в мире.

Тунисская революция оказала влияние на весь арабский мир. Короли и президенты были потрясены тем, что один из их числа пал жертвой гражданской активности народных масс. Бен Али был не единственным «пожизненным президентом». Ливийский диктатор Муаммар Каддафи находился у власти с 1969 года, президент Йемена Али Абдалла Салех — с 1978 года, а Хосни Мубарак правил Египтом с 1981 года, и все они планировали передать власть своим сыновьям. Сирия стала первой арабской республикой, где произошла династическая передача власти: после смерти Хафеза Асада, правившего страной с ноября 1970 года, пост президента в 2000 году занял его сын Башар Асад. Если устоявшаяся диктатура пала в Тунисе, считали аналитики, это может случиться где угодно³.

Между тем люди, живущие под властью авторитарных режимов по всему арабскому миру, разделяли настроения тунисцев. Ливанский журналист Самир Касир, убитый в июне 2005 года,

Предисловие

диагностировал «арабскую болезнь» за несколько лет до «арабской весны». «В наши дни быть арабом — горькая участь, — писал он. — Страх репрессий, унижения, глубочайшая неудовлетворенность пронизывают арабский мир». На протяжении многих лет недовольство подспудно копилось во всех слоях арабского общества, пока не выплеснулось наружу в революционных событиях 2011 года⁴.

Среди египтян брожение началось за несколько лет до «арабской весны». В 2004 году группа активистов сформировала движение «За перемены», более известное как «Кифайа» (буквально «Хватит!»), которое выступало против затянувшегося правления Мубарака и его планов по передаче власти своему сыну Гамалю. В том же 2004 году Айман Нур, известный египетский оппозиционер и независимый депутат парламента, основал партию «Аль-Гад» («Завтра»). На первых альтернативных президентских выборах в 2005 году он не побоялся бросить вызов самому Мубараку, хотя и заплатил за это высокую цену: он оказался на скамье подсудимых по сфабрикованным обвинениям в мошенничестве на выборах и был приговорен к трем годам тюрьмы. В 2008 году группа молодых противников режима организовала в интернете «Молодежное движение 6 апреля». На своей странице в «Фейсбуке» они обсуждали ситуацию с правами человека, застой в экономике и т. п. К концу года группа насчитывала несколько десятков тысяч человек, многие среди которых никогда раньше не проявляли политической активности.

Несмотря на зарождающуюся гражданскую активность, до 2011 года народные движения не могли соперничать с режимом Мубарака. На парламентских выборах в декабре 2010 года правящая Национально-демократическая партия получила более 80 процентов мест, хотя эти выборы и подверглись широкому осуждению как самые коррумпированные в истории Египта. Накануне выборов египетский народ был уверен, что Мубарак-старший готовится передать президентское кресло своему сыну Гамалю и сделает все возможное для того, чтобы обеспечить полностью лояльный парламент. Большинство египтян предпочли бойкотировать выборы, чтобы лишить новый законодательный орган даже намека на народный мандат. Через два месяца после выборов египетский народ перешел от бойкота к открытым требованиям свержения режима Мубарака.

Арабы

Вдохновленные примером тунисцев, 25 января 2011 года египетские активисты организовали массовую акцию протеста на центральной площади Каира Тахрир. Беспрецедентное количество демонстрантов — сотни тысяч человек — собрались там, чтобы потребовать демократических реформ. Волна протестов, впоследствии получившая название «революции 25 января», прокатилась по всем крупным городам — Александрии, Суэцу, Исмаилии, Мансуру, по всему Верхнему Египту и дельте Нила, парализовав экономическую и политическую жизнь страны.

На протяжении 18 дней весь мир с замиранием следил за тем, как египетский народ бросает вызов режиму Мубарака — и побеждает. Правительство прибегло к грязным методам. Чтобы спровоцировать страх и беспорядки, власти выпустили из тюрем тысячи преступников. Полицейские в штатской одежде под видом сторонников Мубарака напали на протестующих на площади Тахрир. Когда люди Мубарака верхом на лошадях и верблюдах атаковали демонстрантов на улицах Каира, это выглядело совсем уж фантастично. В общей сложности в ходе протестов более 800 человек были убиты и тысячи ранены. Однако попытки Мубарака запугать свой народ не увенчались успехом, и с каждым днем ряды протестующих только росли. Перелом наступил, когда египетская армия отказалась поддержать правительство и объявила требования протестующих законными.

Как и Бен Али, Мубарак признал, что без поддержки армии у него нет шансов удержаться у власти. Позиция военных оказалась тем более удивительна, что сам Мубарак был отставным генералом ВВС. 11 февраля 2011 года президент Египта подал в отставку. Эта новость вызвала ликование на площади Тахрир и по всей стране. Падение режима Мубарака, пребывавшего у власти почти 30 лет, показало другим арабским народам, что в их силах свершить демократические преобразования «арабской весны» и в своих государствах.

15 февраля первые демонстрации начались в Бенгази, что положило начало ливийскому восстанию против 40-летней диктатуры Муаммара Каддафи. В том же месяце протестующие вышли на улицы в Сане, Адене и Таизе, чтобы потребовать свержения йеменского диктатора Али Абдаллы Салеха. 14 февраля демонстранты собрались на Жемчужной площади в Манаме, ознаменовав приход «арабской весны» в Бахрейн. А начавшиеся в марте мирные демонстрации

Предисловие

протеста в южном сирийском городе Дераа, жестоко подавленные режимом Башара Асада, открыли самую трагическую главу в истории «арабской весны».

К тому времени, когда Фаида Хамди вышла из тюрьмы, Тунис и арабский мир изменились до неузнаваемости. Хамди наконец-то получила адвоката и была оправдана по всем обвинениям в ходе единственного судебного заседания, состоявшегося 19 апреля 2011 года. Она вышла на свободу, когда Тунис перелистнул страницу трагической смерти Мухаммада Буазизи и вступил в иную политическую эпоху, полную новых надежд и новых вызовов. Хамди вернулась в Сиди-Бузид, на свое прежнее место работы в муниципалитет, хотя рынки она больше не инспектировала. Вместо прежнего синего мундира и фуражки она надела гражданскую одежду и мусульманский головной платок. В новой одежде она олицетворяла собой переход арабского мира от военной автократии к новому экспериментальному строю — исламской демократии⁵.

Арабские революции 2011 года застали мир врасплох. После десятилетий стабильности под властью авторитарных режимов арабский мир внезапно оказался в вихре стремительных и радикальных перемен. Казалось, будто тектонические плиты арабской политики начали сдвигаться не в геологическом, а реальном времени. Между тем нет более верного способа предсказать неопределенное будущее, чем посмотреть в прошлое, — простая истина, о которой часто забывают политические аналитики. Слишком часто мы на Западе преуменьшаем значение истории для настоящего и будущего. Как заметил американский политолог Джордж Уилл, «когда американцы называют что-либо “историей”, они подразумевают, что это не имеет значения»⁶. И это огромное заблуждение. Западным политикам и интеллектуалам следует уделять истории гораздо больше внимания, если они хотят понять истоки «арабской весны» и найти пути разрешения тех колоссальных проблем, с которыми арабский мир столкнулся после 2011 года.

Судьбу арабских народов нельзя назвать простой. На протяжении прошлого и в начале этого столетия они боролись против господства иностранных держав и стремились к реформированию своих

Арабы

государств, чтобы правление не было столь авторитарным, а органы власти стали в большей степени подотчетны своим гражданам. Это два ключевых вектора современной арабской истории, и они оказались определяющими при написании этой книги.

Арабы очень гордятся своей историей, особенно первыми пятью столетиями после возникновения ислама, охватывающими VII–XII века. Это была эпоха великих исламских империй со столицами в Дамаске, Багдаде, Каире и Кордове, игравших ведущую роль в мире. Что касается арабской идентичности, то во времена раннего ислама арабами считали всех, кто говорил на арабском языке, вел свое происхождение от племен Аравийского полуострова и в большинстве случаев исповедовал суннитский ислам. Все арабы смотрят на ранний исламский период как на эпоху могущества и процветания арабского народа, а исламисты традиционно ссылаются на этот период, чтобы утверждать, что арабы достигли наибольшего величия, когда были максимально близки к истинной вере.

С конца XI века на исламские земли начали посягать иностранные захватчики. В 1099 году после кровопролитной осады крестоносцы взяли Иерусалим, положив начало двухвековому господству на Востоке христианского Иерусалимского королевства. В 1258 году монголы захватили Багдад и уничтожили древний халифат Аббасидов; город был разграблен и сожжен, а воды Тигра стали красными от крови. В 1492 году католическая Реконкиста изгнала последних мусульман с Пиренейского полуострова. Тем не менее Мамлюкский султанат со столицей в Каире (1250–1517) продолжал оставаться могущественнейшей мусульманской державой, простиравшей свою власть на весь современный Египет, Сирию, Ливан, Израиль, Палестину, Иорданию и провинции нынешней Саудовской Аравии на побережье Красного моря.

Только в XVI веке, когда Мамлюкский султанат пал под натиском турок-османов, арабами стали править из чужеземной столицы. С тех пор как в 1453 году Мехмед Завоеватель захватил столицу Византии Константинополь, турки-османы управляли растущими территориями своей империи из этого города, переименованного ими в Стамбул. Расположенный на берегах пролива Босфор, на двух континентах — Европейском и Азиатском, он, хотя и был столицей исламского суннитского государства, находился очень далеко

Предисловие

от арабских земель — в 1500 км от Дамаска, в 2200 км от Багдада и в 3800 км по суше от Каира. Кроме того, административным языком Османской империи был турецкий, а не арабский. Арабы вступили в эпоху, когда им пришлось жить по чужим правилам.

Османы правили арабами на протяжении четырех из последних пяти веков. За это время империя менялась, и соответственно менялись правила. В первом столетии после завоевания они были не слишком жесткими: от арабов требовалось признавать власть султана и уважать законы, установленные им и Богом (последнее известно как шариат, или исламское право). Немусульманским меньшинствам позволялось строить жизнь по собственному усмотрению, самим управлять своими общинами и исповедовать свою религию в обмен на уплату подушной подати в имперскую казну. В целом большинство арабов спокойно относились к тому, что ими правит могущественная Османская империя, рассматривая себя как мусульманских подданных великой мусульманской державы.

В XVIII веке правила заметно изменились. После пика своего расцвета в XVII веке, в 1699 году Османская империя потеряла первые территории — Хорватию, Венгрию, Трансильванию и Подолье на Украине. Чтобы пополнить истощенную казну, она начала продавать на откуп государственные должности и сельскохозяйственные земли. Это дало возможность местной знати сосредоточить в своих руках обширные земельные владения и, соответственно, достаточно богатства и власти, чтобы бросить вызов самому Стамбулу. Во второй половине XVIII века ряд таких местных правителей подняли крупномасштабные, хотя и закончившиеся безрезультатно восстания против османского господства в Египте, Палестине, Ливане, Сирии, Ираке и на Аравийском полуострове.

В XIX веке Османская империя вступила в период реформ, призванных разрешить накопившиеся внутренние проблемы и сдерживать угрозы со стороны европейских соседей. Эпоха реформ породила новый набор правил, во многом инспирированных идеями европейского Просвещения. Османы попытались установить полное равенство прав и обязанностей для всех подданных империи — турок и арабов — в таких ключевых сферах, как административное управление, военная служба и налоги. Наряду с этим они продвигали новую идентичность — османизм, чтобы преодолеть этническую

Арабы

и религиозную разобщенность османского общества. Хотя реформам не удалось защитить Османскую империю от распространения европейского влияния, они позволили Стамбулу существенно укрепить свою власть над арабскими провинциями, что было особенно актуально на фоне подъема националистических движений в османских провинциях на Балканах.

Однако те же идеи, что вдохновили на реформы османов, способствовали формированию новых представлений о нации и обществе в арабском мире и росту неудовлетворенности арабов своим положением в империи. Они начали протестовать против правления османов и обвинять их в отсталости арабского мира на пороге XX столетия. Сравнивая свое бывшее величие с нынешним подчиненным положением внутри Османской империи, которая сама фактически оказалась в подчинении у могущественных европейских соседей, арабская общественность начала стремиться к независимости и требовать реформ.

Поражение Османской империи в Первой мировой войне было воспринято многими в арабском мире как вступление в новую эру независимости и национального величия. Они надеялись воссоздать на останках Османской империи великое арабское государство и с воодушевлением восприняли содержащийся в знаменитых Четырнадцати пунктах президента США Вудро Вильсона призыв к национальному самоопределению. Но когда стало ясно, что новый мировой порядок будет строиться по правилам, установленным европейцами, а не Вильсоном, арабов постигло горькое разочарование⁷.

Британцы и французы использовали Парижскую мирную конференцию 1919 года, чтобы установить в арабском мире современную государственную систему и передать все арабские земли, кроме центральной и южной части Аравийского полуострова, под ту или иную форму колониального правления. В новых государствах Сирия и Ливан, которые после обретения независимости от османского господства перешли под французский мандат, французы установили привычную им республиканскую форму правления. В свою очередь, британцы наделили свои подмандатные государства Ирак и Трансиорданию атрибутами Вестминстерской модели конституционной монархии. Исключение составила Палестина, где реализация проекта по созданию «национального очага для еврейского народа» вопреки

Предисловие

ожесточенному сопротивлению коренного арабского населения подрывала любые попытки сформировать национальное правительство.

Колониальные державы дали каждому новому арабскому государству национальную столицу и национальное правительство, обеспечили принятие конституции и учреждение выборного парламента. Они также установили государственные границы, которые во многих случаях были искусственными, порой даже противоестественными. Многие арабские националисты выступали против навязываемых империалистическими державами нововведений, утверждая, что они разделяют и ослабляют арабский народ, который может вернуть себе былое величие только через достижение панарабского единства. Но, согласно новым правилам игры в XX веке, только международно признанные национальные государства, пусть даже колониального происхождения, могли быть легитимными членами глобального сообщества наций.

Наследием колониального периода стали противоречия между государственным национализмом (например, египетским или иракским) и панарабской националистической идеологией. К 1940-м годам, когда арабские государства начали обретать независимость от колониального господства, конфликт между этими двумя идеологиями стал очевиден. Проблема заключалась в том, что большинство арабских граждан рассматривали государственный национализм, ограниченный рамками искусственных колониальных образований, как фундаментально нелегитимный. Для тех, кто стремился возродить в XX веке величие арабского народа, только более широкое националистическое движение открывало перспективу достижения критической массы и единства целей, необходимых для возвращения арабам их законного места среди держав того времени. После колониального периода арабы стали сообществом наций, а не национальным сообществом, и это по-прежнему вызывает у них неудовлетворенность.

Вторая мировая война ослабила европейские державы, лишив их былого влияния на мировой арене, и ускорила процесс деколонизации. Многие государства Азии и Африки добились независимости от своих колониальных правителей, зачастую путем

Арабы

вооруженной борьбы. На смену европейским империям пришли две новые сверхдержавы — Соединенные Штаты и Советский Союз, и почти вся вторая половина XX века прошла под знаком развернувшегося между ними соперничества, получившего название «холодная война».

Поскольку в борьбе за мировое господство Москва и Вашингтон стремились включить в сферы влияния арабские государства, Ближний Восток стал одной из ключевых арен противостояния двух сверхдержав. Едва обретя национальную независимость, арабский мир снова столкнулся с тем, что на протяжении почти полувека (с 1945 по 1990 год) его свобода была ограничена установленными извне правилами игры — правилами холодной войны.

Они были просты: вы дружите либо с США, либо с СССР — третьего не дано. По правде говоря, арабскую общественность не интересовал ни американский антикоммунизм, ни советский диалектический материализм. Их правительства попытались остаться в стороне от противостояния двух сверхдержав, сформировав так называемое Движение неприсоединения, но им попросту не позволили этого сделать. В конце концов каждому арабскому государству пришлось вступить в тот или иной лагерь.

Государства, оказавшиеся в советской сфере влияния, называли себя «прогрессивными». В эту группу входили все арабские страны, которые во второй половине XX века пережили революцию, а именно Сирия, Египет, Ирак, Алжир, Йемен и Ливия. Своих соседей из западного лагеря — либеральные республики Тунис и Ливан и консервативные монархии, такие как Марокко, Иордания, Саудовская Аравия и государства Персидского залива, — они презрительно называли «реакционными». Соответственно, на Западе первых считали «радикальными», вторых — «умеренными». Между сверхдержавами и арабскими странами существовали патрон-клиентские отношения, где первые оказывали вторым всевозможную помощь — от поставок оружия до различных видов экономического содействия.

Пока существовали две сверхдержавы, существовала и эффективная система сдержек и противовесов. Ни СССР, ни США не могли предпринимать в Ближневосточном регионе какие-либо односторонние шаги из страха спровоцировать враждебную реакцию со стороны другой сверхдержавы. Правительства в Вашингтоне и Москве жили

Предисловие

в постоянном страхе перед третьей мировой войной и делали все возможное, чтобы предотвратить разгорание такого конфликта на Ближнем Востоке. Арабские правительства научились играть на противостоянии сверхдержав, используя угрозы перейти в другой лагерь, чтобы добиться поставок современного оружия или расширения экономической помощи от своих государств-патронов. Но, приспособившись к новым правилам игры, арабы тем не менее хорошо понимали, что к концу XX века они так и не достигли ни подлинной независимости, ни того уровня развития, ни положения на международной арене, о которых мечтали в начале века. С распадом Советского Союза арабский мир вступил в новую эпоху американской гегемонии — на еще менее выгодных условиях, чем прежде.

Холодная война подошла к концу вскоре после падения Берлинской стены в 1989 году. Для арабского мира новая однополярная эпоха началась с вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году. Когда Советский Союз проголосовал за резолюцию Совета Безопасности ООН, санкционирующую военные действия под руководством США против прежнего советского союзника Ирака, арабы восприняли это как зловещее предзнаменование. Баланс сил и определенность противостояния холодной войны уступили место эпохе неограниченного американского господства, и многие в регионе опасались худшего.

Американская политика в отношении Ближнего Востока в эпоху после холодной войны отличалась непоследовательностью. После 1990 года президенты США придерживались очень разных курсов. Президент Джордж Буш — старший, при котором произошел крах советской системы, провозгласил установление нового мирового порядка. При Билле Клинтоне определяющими принципами американской внешней политики были интернационализм и сотрудничество. С приходом к власти неоконсерваторов во главе с Джорджем Бушем — младшим в 2000 году Соединенные Штаты обратились к унилатерализму. После терактов 11 сентября 2001 года внешняя политика администрации Буша, в частности провозглашенная США война с терроризмом, всецело сосредоточенная на мусульманском мире с арабами в роли главных подозреваемых, оказала катастрофическое воздействие на весь Ближневосточный регион. Новый

Арабы

президент Барак Обама попытался перенаправить региональную политику в более конструктивное русло и сократить военное присутствие США в регионе, что привело к значительному ослаблению влияния США на Ближнем Востоке.

Правила новой однополярной эпохи с безраздельной американской гегемонией оказались наименее благоприятными для арабского мира. В отсутствие мощной сдерживающей силы ничто не мешало Америке диктовать арабским странам свои условия и даже осуществлять прямые военные вторжения. Не будет преувеличением сказать, что годы после терактов 11 сентября стали худшими в современной арабской истории, где «арабская весна» принесла лишь короткую передышку, но не долгожданную демократию и свободу. Слова, произнесенные Самиром Касиром в 2004 году, актуальны по сей день: «В наши дни быть арабом — горькая участь».

Наряду с борьбой за независимость от иностранного господства другим важным вектором арабской истории на протяжении большей части последних двух веков было стремление арабских народов ограничить самодержавную власть своих правителей. Революционные события «арабской весны» стали лишь очередной главой в истории многовековой борьбы за прозрачность государственной власти и верховенство закона.

До конца XVIII века абсолютизм был нормой в Европе и государствах Средиземноморья. Только Великобритания и Голландская республика подчинили свои монархии избранному законодательному органу. После Французской революции 1789 года конституционный строй начал распространяться по всему Западу: в Соединенных Штатах конституция была принята в 1789 году, в Польше и Франции — в 1791 году, в Норвегии — в 1814 году, в Бельгии — в 1831 году. В этом новом политическом устройстве общества власть правителей была ограничена законом, а подданные обрели более высокий правовой статус граждан.

Арабы, посещавшие Европу в первой четверти XIX века, возвращались домой, плененные политическими идеями, с которыми они познакомились в Париже и Лондоне. Египетский богослов Рифаа ат-Тахтави по возвращении в 1831 году из Парижа перевел

Предисловие

на арабский язык все 74 статьи французской Конституционной хартии 1814 года. Живя под авторитарным правлением османского наместника в Египте Мухаммада Али, ат-Тахтави восхищался французской конституцией, которая эффективно ограничивала власть короля и защищала права рядовых граждан. Тунисский реформатор Хайр ад-Дин ат-Туниси, вдохновленный трудами ат-Тахтави, также ратовал за принятие конституции, чтобы ограничить произвол тунисских беев. Возможно, неслучайно Египет и Тунис стали первыми арабскими государствами, принявшими конституцию, — Тунис в 1861 году, Египет в 1882 году — и первыми, где случились революции «арабской весны».

Следующая волна конституционных реформ совпала с установлением европейского мандатного правления по окончании Первой мировой войны. Египетская конституция 1923 года, иракская 1925 года, ливанская 1926 года и сирийская 1930 года отражали стремление арабских народов к независимости от европейских империалистических держав и к полному суверенитету на основе легитимных правительств и верховенства закона. Но, хотя эти конституции и наделили арабские государства выборными многопартийными законодательными органами, колониальные власти делали все возможное, чтобы ограничить суверенитет подконтрольных им государств. В результате либеральные конституционные правительства скомпрометировали себя как проводники европейского колониального господства.

Окончательный отказ от арабского либерализма наступил после поражения в первой арабо-израильской войне 1948 года, в ходе которой израильская армия оккупировала 78 процентов территории подмандатной Палестины и разгромила коалицию семи арабских государств. Патриотически настроенные арабские офицеры были возмущены политикой своих президентов и королей, а сокрушительное поражение от армии «сионистского образования», которую арабская пропаганда представляла как сборище «еврейских банд», подорвало доверие арабской общественности к своим правительствам. Арабский мир вступил в новый революционный период, ознаменовавшийся военными переворотами в Сирии (1949), Египте (1952), Ираке (1958), Йемене (1962) и Ливии (1969), которые привели к власти новое поколение жестких лидеров во главе технократических правительств. Опираясь на идеологию арабского национализма

Арабы

и панарабизма, военные режимы обещали наступление новой эпохи социальной справедливости, экономического развития, военного могущества и независимости от внешнего влияния. Взамен военные правители требовали от своих граждан одного — полного послушания. Это был социальный контракт, и на протяжении более чем полувека арабская общественность добровольно отказывалась от попыток ограничить автократическое правление в обмен на выполнение этих обещаний.

К началу XXI века социальный контракт был нарушен. К 2000 году стала очевидна неспособность почти всех арабских государств, за исключением богатых стран — экспортеров нефти, выполнить обещанное. Острейшие социально-экономические проблемы, хроническая бедность населения, высокий уровень безработицы на фоне сосредоточения богатства и власти в руках узкого круга приближенных к правящим режимам стали отличительной чертой арабского мира. На растущее недовольство своих граждан арабские режимы отвечали ужесточением репрессивной машины. Более того, престарелые автократические правители планировали сохранить династический контроль над государствами, передав власть своим сыновьям. Помимо вопиющего нарушения социального контракта эти недееспособные режимы собирались увековечить себя.

В 2011 году арабские народы восстали против неограниченной власти правящих режимов. «Народ не должен бояться своего правительства, — гласил один из плакатов на каирской площади Тахрир. — Это правительство должно бояться своего народа». На какой-то момент революционные движения «арабской весны» действительно заставили арабских правителей бояться своих граждан. К сожалению, этот момент оказался очень недолгим. Революции быстро сменились контрреволюциями, и к власти вернулись жесткие лидеры — везде, за исключением Туниса, где роковая конфронтация между Фаидой Хамди и Мухаммадом Буазизи в декабре 2010 года привела к самому мирному и устойчивому процессу революционных преобразований. Пока слишком рано говорить о том, станет ли установившийся в этой североафриканской стране хрупкий конституционный порядок предвестником нового социального порядка в арабском мире или же останется уникальной историей успеха «арабской весны».

Предисловие

Какой бы сложной, подчас трагичной ни была история арабского мира, это ни в коей мере не умаляет ни ее увлекательности, ни ее значимости для нашей цивилизации. Посвятив всю жизнь изучению Ближнего Востока, я всегда искренне восхищался богатством и разнообразием арабской истории. Мои детские годы прошли в Бейруте и Каире; затем я поступил в американский университет на ближневосточное отделение, где выучил арабский и турецкий языки, чтобы иметь возможность читать исторические источники в оригинале. Изучая архивные документы и рукописи, дневники и мемуары, судебные записи и хроники, я был поражен тем, насколько нам близка и одновременно малоизвестна арабская история.

Многое из того, что арабский мир пережил за последние пять столетий, пережили и другие народы на нашей планете. Национализм, империализм, революции, индустриализация, миграция населения в города, борьба за права женщин — все эти важнейшие темы в истории человечества присутствуют и в современной истории арабского мира. И все же арабский народ уникален — архитектурой своих городов, музыкой и поэзией, особым статусом избранного народа ислама (Коран подчеркивает не менее десяти раз, что Бог явил свое последнее откровение человечеству на арабском языке), идеей национального сообщества, простирающегося от Марокко до Аравийского полуострова.

Объединенные общей идентичностью, основанной на языке и истории, арабы поражают своим разнообразием. Это одновременно единый народ и множество разных народов. Перед путешественником, пересекающим Северную Африку из Марокко в Египет, предстает поистине фантастический калейдоскоп диалектов, каллиграфических стилей, ландшафтов, архитектурных и кулинарных традиций, а также форм правления и экономической активности. Если продолжить путешествие и двинуться через Синайский полуостров по землям Плодородного полумесяца — Палестине, Иордании, Сирии, Ливану и Ираку, картина станет еще красочнее и богаче. К югу от Ирака арабские страны Персидского залива несут на себе явный отпечаток влияния соседнего Ирана. В Омане и Йемене чувствуется веяние Восточной Африки и Южной Азии. Каждое из этих арабских государств имеет уникальное прошлое и настоящее, но все они ощущают свое единство через общую историю и корни.

Арабы

В этой книге я попытался отобразить разнообразие арабской истории, охватив повествованием все арабские государства Северной Африки, Плодородного полумесяца и Аравийского полуострова. Вместе с тем я постарался показать взаимосвязанность истории этих регионов — например, как правление французов в Марокко повлияло на их правление в Сирии и какую роль восстание марокканцев против французских колонизаторов сыграло в народном восстании в Сирии. Неизбежно одни страны занимают более значимое место в моем повествовании, тогда как другие незаслуженно игнорируются, о чем я искренне сожалею.

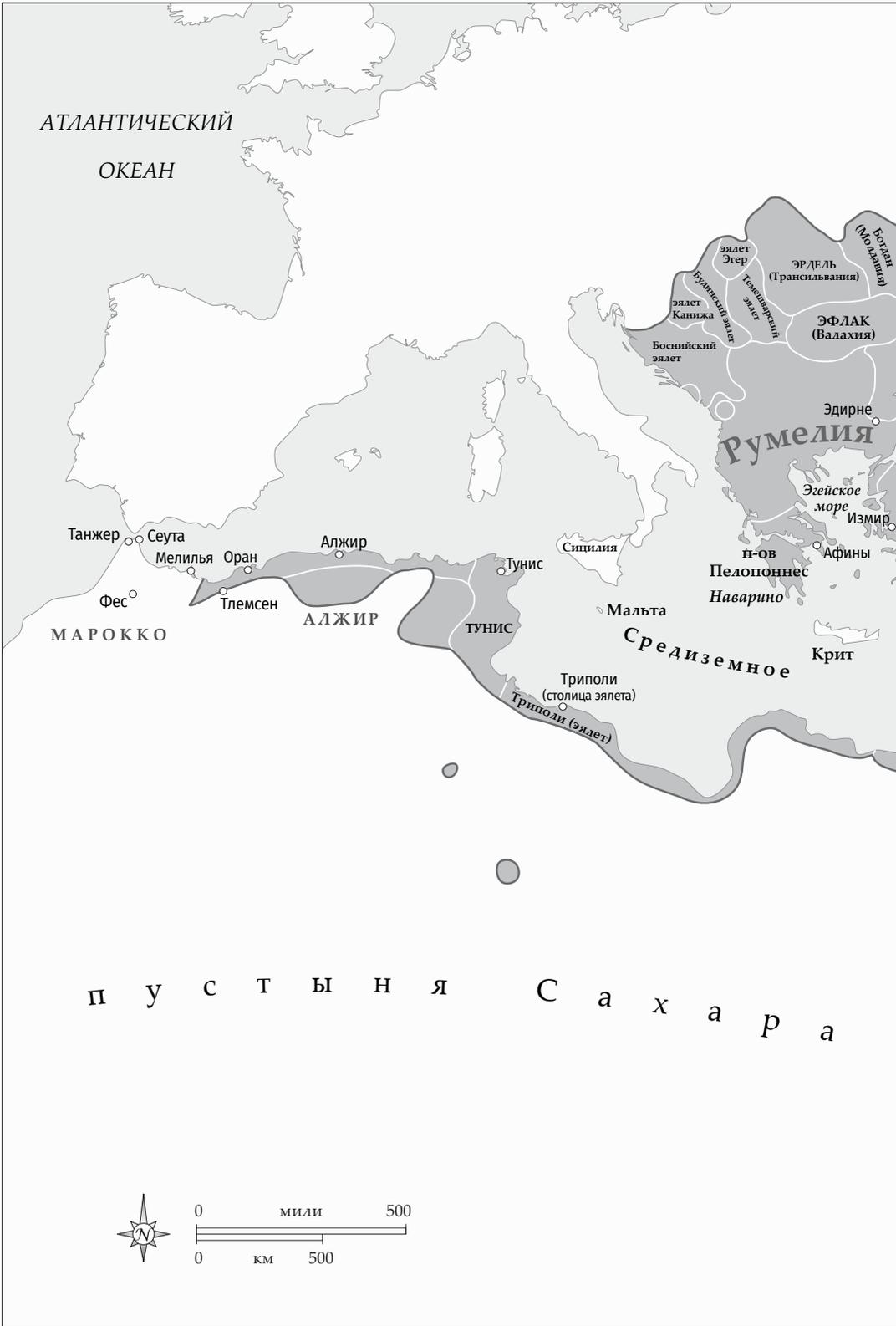
При написании книги я опирался на широчайший спектр арабских источников, в том числе на многочисленные свидетельства очевидцев: летописцев более ранних периодов, интеллектуалов и политиков, журналистов и писателей, обычных мужчин и женщин, прославленных и печально известных личностей. Мне кажется совершенно естественным отдавать предпочтение арабским источникам при написании истории арабского мира — точно так же историю русского народа следовало бы писать на основе русскоязычных источников. Авторитетные иностранные наблюдатели — государственные деятели, дипломаты, миссионеры и путешественники — предлагают нам свой взгляд на арабский мир, и он по-своему ценен. Но я уверен, что люди на Западе смогут увидеть историю арабского мира совершенно иначе, если посмотрят на нее глазами самих арабов — людей, которые творили ее.

Глава 1

От Каира до Стамбула

Горячее летнее солнце нещадно жгло аль-Ашрафа Кансуха аль-Гаури, сорок девятого мамлюкского султана, осматривающего свои войска перед битвой. Почти три сотни лет, со дня своего основания в 1250 году, династия мамлюков правила самым старым и могущественным исламским государством своего времени. Их империя со столицей в Каире простиралась на весь Египет, Сирию и Аравию. Кансух аль-Гаури, которому сейчас было за семьдесят, находился у власти последние 15 лет. Здесь, на равнине Мардж Дабик, у сирийского города Алеппо, на самой северной границе своей империи, он готовился сейчас дать отпор самому серьезному врагу, когда-либо угрожавшему мамлюкам. Султан не знал, что в этой битве его ждет поражение, которое приведет к краху империи, проложив путь к завоеванию арабских земель турками-османами. Было 24 августа 1516 года.

От палящего солнца сирийской пустыни голову Кансуха защищал легкий тюрбан; плечи покрывала голубая султанская мантия, поверх которой за плечом висел боевой топор. Когда мамлюкские султаны шли на войну, они брали с собой большую часть своего правительства и лично вели войска в бой. Только представьте: президент США лично отправляется на очередную военную кампанию, а вместе с ним — больше половины кабинета министров, лидеров обеих палат Конгресса, судей Верховного суда и синода епископов и раввинов, которые идут в бой вместе с солдатами и офицерами!

АРАБСКИЙ МИР В ОСМАНСКУЮ ЭПОХУ, 1516–1830 ГГ.

Арабы

Командующие мамлюкской армией и четверо верховных судей стояли под красным султанским знаменем. Справа от них под собственным знаменем стоял духовный глава империи, халиф аль-Мутаваккил III. Он также был одет в светлый тюрбан и мантию и вооружен боевым топором. Кансуха окружали 40 потомков пророка Мухаммада, головы которых были обернуты желтыми шелковыми тюрбанами-футлярами с Кораном внутри, а также предводители суфийских орденов* под зелеными, красными и черными флагами.

Вид 20 000 выстроившихся на поле мамлюкских солдат впечатлил и успокоил Кансуха и его свиту. Мамлюки — в переводе с арабского слово «мамлюк» означает «принадлежащий кому-либо», или «раб», — были профессиональными воинами. Юношей покупали в христианских землях по всей Евразийской степи и на Кавказе и привозили в Каир, где обращали в ислам и обучали военному делу. Оторванные от родины и семей, они были всецело преданы своим хозяевам и учителям. В совершенстве владеющие воинским искусством и воспитанные в беспрекословной преданности исламской религии и государству, взрослые мамлюки получали свободу и вступали в ряды правящей элиты. Они были непревзойденными воинами, сокрушившими величайшие армии Средневековья: в 1249 году мамлюки разгромили армию крестоносцев французского короля Людовика IX, в 1260 году освободили арабские земли от монголов, а в 1291 году изгнали с Востока последних крестоносцев.

Мамлюкская армия поражала своим великолепием. Ее воины носили яркие шелковые одежды, их доспехи были шедеврами ремесленного искусства, а оружие выковано из закаленной стали и инкрустировано золотом. Эта роскошь была частью традиций воинского сословия и должна была демонстрировать врагу уверенность в своей победе.

На другом краю равнины стояли закаленные ветераны армии османского султана. Османская империя возникла в конце XIII века как небольшое тюркское княжество, развернувшее свою «священную войну» против христианской Византийской империи в Анатолии (азийской части современной Турции). В течение XIV–XV веков османы

* Суфизм — одна из основных и наиболее распространенных форм мистицизма в исламе. — *Прим. науч. ред.*

подчинили своей власти другие тюркские княжества и завоевали византийские земли в Анатолии и на Балканах. В 1453 году седьмой османский султан Мехмед II сделал то, что не удавалось никому из его мусульманских предшественников, — он захватил Константинополь и завершил завоевание Византийской империи. После этой знаменательной победы он присовокупил к своему имени почетное прозвище Завоеватель (тур. *Фатих*). Константинополь был переименован в Стамбул и стал столицей Османской империи. Преемники Мехмеда II оказались не менее амбициозны в планах по расширению границ своих владений. И в этот день, 24 августа 1516 года, девятый османский султан Селим I по прозвищу Грозный (тур. *Явуз*; правил в 1512–1520 гг.) стоял со своей армией у северной границы империи мамлюков.

Как ни парадоксально, но, сосредоточив свои войска у Алеппо, Кансух надеялся избежать сражения. На тот момент османы уже воевали с Сефевидской империей. Сефевиды правили персидскими землями (территория современного Ирана) и, как и османы, говорили по-тюркски, хотя по происхождению, вероятнее всего, были курдами. Однако основатель династии Сефевидов, полководец и поэт шах Исмаил (правил в 1501–1524 гг.) объявил официальной религией шиитский ислам, тем самым сделав свое государство идеологическим противником суннитской Османской империи¹. Военные действия в 1514–1515 годах в восточной Анатолии закончились победой османов, и Сефевиды попытались срочно заключить союз с мамлюками, чтобы сдержать османскую угрозу. Хотя Кансух не испытывал особой симпатии к Сефевидам, он хотел сохранить баланс сил в регионе и надеялся, что сильное военное присутствие мамлюков в северной Сирии заставит османов ограничить свои захватнические планы Анатолией и оставить Персию Сефевидам, а арабский мир — мамлюкским султанам. Однако османы расценили эту ситуацию иначе: они решили, что развертывание армии мамлюков на их фланге представляет серьезную стратегическую угрозу, и, чтобы избежать возможной войны на два фронта, османский султан приостановил военные действия с Сефевидами и бросил все силы на мамлюков.

При всем великолепии мамлюкской армии османы явно превосходили ее. На каждого мамлюкского солдата приходилось по три закаленных в боях османских кавалериста или пехотинца. Согласно хронистам того времени, армия Селима Грозного насчитывала

Арабы

60 000 человек. Кроме того, османы имели значительное технологическое превосходство над противником. В то время как мамлюки продолжали воевать по старинке, делая ставку на рукопашный бой и мастерское владение холодным оружием, османская армия была вооружена мушкетами и пушками. И если мамлюки были олицетворением средневековых традиций ведения войны, то османы представляли ее современное лицо. К тому же их куда больше интересовали победные трофеи, чем проявление личной доблести в рукопашной схватке.

Как и следовало ожидать, в битве на равнине Мардж Дабик огнестрельное оружие одержало верх над саблями. Правый фланг мамлюкской армии был сокрушен огневой мощью османов, а левый обратился в бегство. Как выяснилось впоследствии, командующий левым флангом Хайр-бей*, наместник мамлюкского султана в Алеппо, перед битвой вступил в сговор с османами и присягнул на верность Селиму Грозному. В решающий момент сражения он перешел на сторону османов, тем самым обеспечив им быструю победу.

Султан Кансух аль-Гаури с ужасом наблюдал за разгромом своего войска. На поле боя стояло такое густое облако пыли, что две армии едва могли видеть друг друга. Теряя веру в своих солдат, Кансух обратился к религиозным советникам и призвал их молиться о победе. Один из командиров мамлюкской армии, осознавая всю безнадежность ситуации, снял с древка султанское знамя, свернул его и, повернувшись к Кансуху, сказал: «Господин наш Султан, османы разгромили нас. Спасай себя! Укройся в Алеппо!» При этих словах Кансуха поразил инсульт, наполовину парализовав его. Безуспешно попытавшись взобраться на лошадь, султан упал и тут же умер. Его свита ударилась в бегство, бросив своего господина на поле боя. Впоследствии его тело так и не было найдено и похоронено — казалось, земная твердь разверзлась и поглотила правителя мамлюкской империи.

Когда пыль на поле битвы осела, взору открылась страшная картина кровавой резни. «От этого зрелища поседел бы и младенец, и железо расплавилось бы от ярости», — писал мамлюкский

* Бей — в Османской империи титул, которым награждались высокопоставленные лица. — *Прим. науч. ред.*

летописец Ибн Ийас. Все поле было завалено мертвыми и умирающими людьми и лошадьми, чьи стоны безжалостно прерывались османскими солдатами, спешившими ограбить своих павших врагов. Они оставляли за собой «обезглавленные тела и покрытые пылью головы с жуткими гримасами», становившиеся добычей диких собак и ворон². Армия мамлюков еще не знала таких поражений, и их империя так и не смогла оправиться от этого удара.

Победа на равнине Мардж Дабик открыла османам путь в Сирию. Селим Грозный беспрепятственно вошел в Алеппо, после чего без боя занял Дамаск. Весть о поражении достигла Каира только через три недели, 14 сентября 1516 года. Оставшиеся в живых представители мамлюкской военной верхушки собрались в Каире, чтобы избрать нового властителя. Им стал племянник Кансуха аль-Ашраф Туман-бей, которому судьба уготовила быть последним мамлюкским султаном: его правление продлилось всего три с половиной месяца.

Из Дамаска Селим Грозный написал Туман-бею письмо, предложив ему выбор: либо он сдастся и продолжит править Египтом как османский вассал, либо мамлюкский султанат подвергнется полному уничтожению. Прочитав письмо Селима, Туман-бей заплакал от ужаса, но решил сражаться до конца. Страх начал распространяться среди солдат и подданных султана. Чтобы сохранить дисциплину, Туман-бей издал указ, запрещающий продажу вина, пива и гашиша под страхом смерти. Но, как утверждают летописцы, напуганные жители Каира игнорировали его приказы и пытались облегчить свой страх перед неминуемым вторжением с помощью алкоголя и наркотиков³. Когда до Каира дошла весть о завоевании прибрежного города Газа, где османы умертвили тысячу горожан, город содрогнулся от ужаса. В январе 1517 года османская армия вошла в Египет и двинулась к мамлюкской столице.

Когда 22 января Селим приблизился к северным окраинам Каира, от боевого духа солдат Туман-бея не осталось и следа. Многие не явились в свои части. На улицы Каира были отправлены глашатаи, зачитывавшие приказы о том, что все дезертиры будут повешены перед дверями собственных домов. В конце концов Туман-бей сумел собрать под своим командованием примерно 20 000 мамлюкских солдат, кавалеристов и бедуинских ополченцев. Памятуя

Арабы

о горьком опыте Мардж Дабика, Туман-бей отменил запрет на огнестрельное оружие и вооружил своих солдат мушкетами. Также вдоль линии обороны было выставлено 100 возов с заранее изготовленными легкими пушками. Жители Каира всячески старались подбодрить своих защитников и молились за них. Но в день битвы некогда не знавшая поражений мамлюкская армия представляла собой сборище людей, думавших не столько о победе, сколько о собственном выживании.

Сражение состоялось 23 января 1517 года. Как писал Ибн Ийас, это была «жестокая битва... одно лишь упоминание о которой вселяет ужас в сердца мужчин и приводит в страх их разум». Барабаны возвестили начало боя, и мамлюкская кавалерия ринулась на превосходящие силы противника. По словам Ибн Ийаса, произошедшее оказалось еще страшнее, чем поражение на равнине Мардж Дабик. Османы хлынули «со всех сторон, как полчища саранчи... грохот их мушкетов оглушал... их атаки были неистовы». За первый час сражения мамлюкские защитники понесли тяжелые потери и начали отступать. Туман-бей удерживал свои позиции дольше других командиров, но в конце концов и он был вынужден отойти, поклявшись однажды снова встретиться с османами на поле боя⁴.

Победоносная османская армия вступила в Каир и три дня грабила город. Беспомощным горожанам, оставленным на милость победителей, оставалось только смотреть, как громят их дома и похищают имущество. Единственным, кто мог защитить их от насилия османских солдат, был сам османский султан, и жители Каира лезли из кожи вон, чтобы продемонстрировать свою покорность новому хозяину. Пятничные молитвы в мечетях, которые раньше совершались в честь мамлюкского султана, отныне благословляли султана Селима, что в исламском мире было одним из традиционных способов признания власти нового правителя. «Да хранит Всевышний Султана, — возглашали имамы, — сына султана, владыку двух суш и двух морей, победителя двух армий, султана двух Ираков, служителя двух святынь, победоносного властителя шаха Селима. О, Аллах, Господин обоих миров, да будет султан навеки непобедим!» Селим Грозный благосклонно принял столь ревностное проявление верноподданнических чувств со стороны каирского населения и приказал

своим министрам объявить всеобщее помилование и восстановить общественный порядок.

Султан Селим ждал почти две недели после победы над мамлюкской армией, прежде чем вступить в город. Только тогда жители Каира впервые увидели своего нового властителя. Вот как описывает его Ибн Ийас:

Когда султан ехал по городу, все население собралось, чтобы приветствовать его. Рассказывали, что у него довольно светлая кожа, гладко выбритый подбородок, крупный нос и большие глаза. Он был невысокого роста, а его голову венчал небольшой тюрбан. Он все время поворачивал голову из стороны в сторону, выдавая свой беспокойный и несдержанный нрав. На вид ему было около сорока лет. В нем не наблюдалось достоинства прежних султанов. Он был злобен, кровожаден, вспыльчив, жесток и нетерпим ко всякому несогласию⁵.

Селим не мог чувствовать себя в Каире спокойно, пока мамлюкский султан оставался на свободе. Он знал, что, пока Туман-бей жив, его сторонники будут пытаться восстановить его власть. Только смерть — причем публичная — могла похоронить эти надежды. Возможность разделаться со своим противником Селим Грозный получил в апреле 1517 года, когда бедуинский шейх, у которого скрывался Туман-бей, выдал его османам. Селим заставил Туман-бея пройти через весь Каир, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что это действительно свергнутый мамлюкский султан. Шествие завершилось у ворот Баб-Зувайла, где палачи схватили Туман-бея и повесили на глазах у обьятой ужасом толпы. Веревка порвалась — некоторые утверждали, что она порвалась дважды, — словно сами небеса не желали допускать убийство султана. «Когда его душа покинула тело, толпа издала пронзительный крик, — так один летописец описал потрясение людей от увиденного. — Никогда в прошлом правителя Египта не вешали на воротах города, никогда!»⁶

Но для османского султана смерть Туман-бея была поводом для празднования. Покончив с династией мамлюков, Селим завершил завоевание их империи, и отныне все их земли и богатства перешли к его собственной династии. Он расширил границы Османской

Арабы

империи, добавив к ней Сирию, Египет и аравийскую провинцию Хиджаз, и теперь мог вернуться в Стамбул триумфатором. Завоевание Хиджаза имело особое значение. Эту провинцию почитают колыбелью ислама, поскольку именно здесь, в Мекке, пророку Мухаммаду были ниспосланы первые откровения Корана, и он создал первую мусульманскую общину. Отныне Селим присовокупил к своему титулу султана официальный титул Служителя и Хранителя двух святынь ислама: Мекки и Медины. Эти завоевания сделали Селима правителем величайшей исламской империи в мире.

Перед отъездом из Каира Селим захотел посмотреть представление одного из знаменитых египетских театров теней — кукольного театра, где используются освещенный экран и плоские марионетки. Селим наслаждался спектаклем в одиночестве. Кукольник показал ему сцену повешения султана Туман-бея на воротах Баб-Зувайла. Когда веревка порвалась во второй раз, османский султан «нашел зрелище очень забавным. Он дал кукольнику 200 динаров и подарил бархатный плащ. “Когда мы поедem в Стамбул, ты поедешь вместе с нами, чтобы показать это представление моему сыну”, — сказал ему Селим»⁷. Через три года его сын Сулейман унаследовал османский трон и все мамлюкские земли, покоренные отцом.

Завоевание османами империи мамлюков стало ключевым поворотным моментом в арабской истории. Судьбоносная битва на равнине Мардж Дабик ознаменовала собой конец Средневековья и начало современной эпохи в арабском мире. Впервые после возникновения ислама арабами стали править из неарабской столицы. Первая мусульманская халифская династия Омейядов (661–750) имела своей столицей Дамаск. Аббасиды (750–1258) правили величайшей мусульманской империей своего времени из Багдада. Основанный в 969 году Каир служил столицей не менее чем четырем династиям до прихода к власти мамлюков в 1250 году. Но начиная с 1517 года арабам пришлось подчиняться правителям, находящимся за пределами их земель, и эта политическая реальность стала одним из определяющих факторов современной арабской истории.

Как бы то ни было, переход из-под мамлюкского под османское господство оказался не столь тяжким, как многие изначально опасались, наблюдая за кровавыми завоеваниями Селима Грозного.

Тюркоязычные чужеземцы правили арабами начиная с XIII века, и османы оказались во многом похожи на мамлюков. Элиты обеих империй вели происхождение от христианских рабов. Обе империи были бюрократическими государствами, соблюдавшими законы шариата и защищавшими исламские земли от внешних угроз благодаря сильным армиям. К тому же в то время было слишком рано говорить о какой-либо «арабской идентичности», которая могла бы заставить народ воспротивиться «иностранному» правлению. До наступления эпохи национализма идентичность арабов была связана с их родным племенем или городом. Если арабы и идентифицировали себя в более глобальном плане, то скорее на религиозной, чем этнической основе. И поскольку большинство арабов были суннитами, османы оказались для них вполне приемлемыми правителями. Тот факт, что административный центр переместился из арабских земель в Стамбул — город на стыке Европы и Азии, мало волновал людей того времени.

Судя по всему, арабские народы оценивали переход от мамлюкского к османскому правлению с сугубо прагматической, а не идеологической точки зрения. Их куда больше беспокоили вопросы безопасности и порядка, а особенно разумного налогообложения, чем проблема перехода арабов под правление турок. Египетский историк Абд ар-Рахман аль-Джабарти в начале XIX века вполне уважительно описывал начало османского владычества в арабских землях:

В первое время османы были одними из лучших правителей исламского мира со времен четырех праведных халифов⁸. Они были самыми могущественными защитниками религии и врагами неверных и благодаря завоеваниям, благословленным самим Всевышним, стремительно расширяли свои владения. Они правили лучшими обитаемыми землями под этим небом. И все новые земли подчинялись их власти. Они не пренебрегали государством, но защищали его и его границы. Они поддерживали соблюдение исламских обрядов, почитали религиозных лидеров, оберегали две святыни — Мекку и Медину — и блюли справедливость, руководствуясь законами шариата. Их правление несло с собой стабильность и безопасность; другие правители трепетали перед ними, а свободные люди и рабы покорялись им⁹.